

**М. Хайдеггер – «двуликий Янус» философии:
«Черные тетради» 1942–1948 гг.
(статья первая)**

Н.В. Мотрошилова

Главная цель статьи, посвященной «Черным тетрадям», изданным в 97-м томе Полного собрания сочинений Хайдеггера, – демонстрация двойственности хайдеггеровского мировоззрения противоречивого периода 1942–1948 гг. В ее первой части, говоря о Хайдеггере как двуликом Янусе, автор имеет в виду то его «лицо», на котором запечатлена глубокая, доходящая до ненависти неприязнь к «общественности» («Öffentlichkeit»), в частности, к научному и философскому сообществу, включая прежних друзей (К. Ясперса) и новых сторонников (Ж.-П. Сартра). Самая отвратительная черта *этого* «лица» – стремление рассматривать кровавые преступления нацизма (включая концлагеря и миллионы военных жертв) как нечто извинительное. Однако принять во внимание лишь этот идейный пласт, выраженный в текстах 97-го тома, – значит не понять, как и почему после войны Хайдеггер стал одним из самых важных философов XX в. Собственно *философское* «лицо» Хайдеггера – это предмет следующей части статьи, посвященной публикации «Черных тетрадей» 2017 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. Хайдеггер, К. Ясперс, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, общественность, нацизм, антисемитизм, экзистенциализм.

МОТРОШИЛОВА Нелли Васильевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

motroshilova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

Цитирование: *Мотрошилова Н.В.* М. Хайдеггер – «двуликий Янус» философии: «Черные тетради» 1942–1948 гг. (статья первая) // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 165–175.

Вступление

В *Послесловии* к 97-му тому Собрания сочинений Мартина Хайдеггера издатель «Черных тетрадей» Петер Травны так очерчивает состав данного тома: в нем содержатся, как их озаглавил сам Хайдеггер, *Anmerkungen (Замечания) I–V*, написанные в 1942–1948 гг., т.е. в разгар Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. В самом начале *Anmerkungen IV* (1947–1948 гг.) – на что П. Травны обращает особое внимание – Хайдеггер цитирует слова Лейбница: «Qui me non nisi editis novit, non novit» («Кто знает меня только по изданному, тот меня не знает») [Травны 2015, 325]. Приводя эти слова Лейбница, Хайдеггер хочет сказать: даже внимательные читатели его сочинений не смогут полностью понять философа Хайдеггера, если не ознакомятся – в назначенное им самим время – с «Черными тетрадями». Указание Хайдеггера на особое значение «Черных тетрадей», хотя и исторически запоздавших, вряд ли оправданно подвергать сомнению. Я пыталась показать это в своих исследованиях, посвященных

трем первым томам «Черных тетрадей» предшествовавшего времени (Gesamtausgabe, Bd. 94–96) [Мотрошилова 2015; Мотрошилова 2016].

Том 97 GA, к суммарному анализу которого я здесь приступаю, представляет, полагаю, чрезвычайный интерес в наибольшей степени из-за того отрезка времени, к которому относятся хайдеггеровские *Anmerkungen I–V*. А время это в истории Европы и всего человечества было столь же страшным и кровавым, сколь и судьбоносным. В самом деле: 1942 год, в разгаре Вторая мировая война; но это же год сокрушительного поражения гитлеровцев под Сталинградом. 1948-й — уже три года прошло с тех пор, как война закончилась, мир стремительно и кардинально меняется; однако в жизни самого Хайдеггера это время названо «молчаливым периодом». И вот теперь оно перестало быть таковым... Узнать об этом «из первых рук», т.е. от самого Хайдеггера, втайне писавшего теперь представляе перед нами *Замечания*, особенно важно тем, кто в философии и вне ее не перестает следить за эволюцией личности Хайдеггера. А также тем, кто размышляет и пишет о той же поре мировой истории.

Но еще до того, как вплотную перейти к конкретным характеристикам содержания этой темы и других сюжетов, сотканных у Хайдеггера из кричащих противоречий, поясню смысл заголовка «Хайдеггер — «двуликий Янус философии»».

Когда я впервые познакомилась с содержанием 97-го тома, мне бросилось в глаза проходящее сквозь объемную, в 513 страниц, книгу несоответствие двух ее основных тенденций. Первая из них — недостойная выдающегося философа, оголтелая, едва ли не звериная враждебность по отношению к ученому миру, к философам (даже и бывшим друзьям), а главное, стремление как-то оправдать тяжкие преступления нацистов. Вторая тенденция, также без труда прослеживаемая, — это, в целом, достойные выдающегося философа размышления, исследовательская работа, глубокие, серьезные, опережающие свое время теоретически и практически важные характеристики. Кстати, эти пласты материала помогают понять, почему Хайдеггер все же смог занять видное место в философии второй половины XX в. И еще я предположила, сколь «ортогональными» станут быстрые отклики на 97 том Собрания сочинений — в зависимости от того, какое лицо Хайдеггера окажется повернутым к тем, кто возьмется за его изучение. Этим и будет определяться, предположила я, общая настроенность откликов как специалистов, так и представителей прессы. Нельзя без крайнего возмущения пройти мимо если не открыто пронацистских, то все равно абсолютно недостойных крупного философа высказываний, его поистине звериное раздражение в немалом числе записей «Черных тетрадей», опубликованных в 97-м томе. Мои предположения подтвердились.

Сошлюсь на одну из статей: она написана Кр. Фуксом из Вестминстерского университета. Он довольно подробно представил свидетельства хайдеггеровского гнева и обозначил его главные адресаты: «Америка, антропология, антифашизм, христианство, философия, демократия, экзистенциализм, кино, Д. Брак, Великобритания, историки, Ж.-П. Сартр, евреи, К. Ясперс, К. Маркс, пресса, журналистика, математики, современные технологии, музеи, Пабло Пикассо, филология, психология, Россия, социализм, телевизор...» [Fuchs 2015, 94]. А что подано Хайдеггером со знаком плюс? Это, в суммарном изложении Кр. Фукса, «немецкое начало (*Deutschtümelei*), крестьянин (Фукс помечает: немецкое слово Ваег означает также и строителя. — *Н.М.*), Эрнст Юнгер, Отечество, Ф. Гёльдерлин, Ф. Ницше, немецкий язык, Мастер Экхарт, О. Шпенглер, поэзия, юго-восточная Германия, учителя» [Ibid.].

Эти обобщения Фукса очень ценные, максимально точно отображающие хайдеггеровский текст. Я к ним полностью присоединяюсь. Хотелось бы добавить следующее: на первом месте по чудовищности стоят, и не только по моему мнению, высказывания Хайдеггера, из которых следует, что он пытался внести — сотканную, как всегда, из витиеватых слов — путаницу в вопрос о концлагерях, полностью ясный для любого честного человека, где бы он ни родился и жил (это относится и к концлагерям на российской земле). Хайдеггер же, направляя стрелы своей критики против того, что он называет «нигилизмом», договаривается вот до чего: «Террор этого окончательного нигилизма, — пишет он, — еще *страшнее, чем вся пассивность палачества и концлагерей* (курсив мой. — *Н.М.*)» [Heidegger 2015, 59].

При этом Хайдеггер в очередной раз впадает в недостойную философа гневливость. Хайдеггер и прежде был подвержен бурным вспышкам гнева, и его послевоенная «усиленная» раздражимость объяснима, особенно если учесть всю совокупность событий двенадцати лет нацистской власти. Ведь тогда Хайдеггер достаточно явно был если не близким сподвижником Гитлера и его клики (и то скорее потому, что вокруг фюрера уже сгрудились куда более послушные и шустрые «философы» с простеньким апологетическим отношением к власти нацистов), то, во всяком случае, на той же «нацистской» стороне.

Факты, связанные, в частности, с ректорством Хайдеггера во Фрайбургском университете, хорошо известны, осмыслены и оценены в литературе, в том числе в России¹. К этому хотелось бы добавить ряд моих соображений в связи именно с *Anmerkungen I–V*. Материалы последних полностью подтверждают, что после войны и временного запрета на преподавание (что трудно не считать очень мягкой мерой) Хайдеггер впал в такое состояние, которое было на грани, а может, и за гранью тяжелого нервно-психического срыва. По-прежнему самовлюбленного и несамокритичного Хайдеггера временами охватывали затяжные приступы злобы. А поскольку речь в данном случае идет о периоде вынужденного молчания Хайдеггера, то «Черные тетради» впервые «проливают свет» на его сокровенные мысли и оценки того трагического времени. «Цвет» этого материала – действительно густо-черный (под стать самому названию тетрадей, что уже не раз было обыграно критиками Хайдеггера).

Читать *Замечания* 97 тома, не испытывая возмущения, вряд ли возможно. К тому, о чем уже написал Кр. Фукс, можно добавить немало позорных пассажей. Но сначала скажу о том, что считаю особенно рискованным: Хайдеггер, лично повелев опубликовать «Черные тетради» как завершение *Собрания своих сочинений*, тем самым подвел поистине черную черту под своим неоднородным, неоднозначным, но столь значимым профессиональным философским творчеством; и больше всего это касается вопросов, которые после войны были особенно значимы и чувствительны.

Есть ли в «Черных тетрадах» свидетельства раскаяния Хайдеггера в том, что он оставил много «коричневых» следов за время своего злополучного ректорства? Ведь чего стоит, например, такая «формула», прозвучавшая в одном из ректорских обращений Хайдеггера 1933 г. («К немецким студентам»): «Сам фюрер, и единственно он, есть сегодняшняя и будущая немецкая действительность и ее закон» (подписано: «Хайль Гитлер! Мартин Хайдеггер, ректор»)² [Мотрошилова 2013, 489]. Ответ: пока в записях «Черных тетрадей» нет никаких свидетельств такого раскаяния. Зато есть множество таких высказываний, которые недостойны не то что выдающегося мыслителя, но и любого честного человека. Если бы они стали известны тогда же, когда вышли из-под пера озлобленного Хайдеггера, т.е. сразу после войны, то его вполне можно было бы привлечь к суду или на всю жизнь подвергнуть остракизму... Так против чего и кого Хайдеггер сразу после войны направлял стрелы, пропитанные ядом ненависти?

Вот Хайдеггер «поет» скверную и злобную «песню» «Террор мировой общественности (Öffentlichkeit)» – предмет его гневных обличений [Ibid., 87–88]. Строго говоря, «террор» тех объединений или институций, которые выдают себя (как, например, сегодняшние средства информации, в том числе электронные) за выразителей «гласа народа», и возможен, и социально опасен. Подобный «террор» проявил себя в предвоенные и военные годы в самой Германии. Так, во время путчей, в конце концов приведших нацистов к власти, обыватели, непосредственно не вовлеченные в политику, вдруг с удивлением и страхом обнаруживали на улицах своих городов до зубов вооруженные отряды, оснащенные редкими тогда автомобилями, в не известной до того коричневой форме с «новомодными» свастиками на нарукавных повязках. Это были первые свидетельства тому, сколь расчетливо и умело действовали в партии Гитлера «специалисты» по формированию и взвинчиванию погромных настроений масс, а также те, кто помогал самому Гитлеру с его бесноватыми речами обрести поддержку сначала фашистской или фашизоидной «общественности», а потом – в немалой степени – и одураченных обывателей, чьи обиды и чаяния не без ловкости использовали и сам Гитлер, и близкие к нему «геббельсообразные» демагоги. И нельзя забывать: всю

эту свору в 1933 г. в конечном счете привела к власти. Все та же «общественность» в лице избирателей!

Однако Хайдеггер, в «Черных тетрадах» ополчившийся на «планетарный террор мировой общественности», имел в виду совсем другие силы. Ибо, обличая «террор общественности», он писал, что по сравнению с ним «массивная (massive) брутальность национал-социализма» есть «...чистая безобидность (! — *Н.М.*) — несмотря на необозримую осязаемость *попутно* им причиненного опустошения (курсив мой. — *Н.М.*)» [Ibid., 87]. Этот момент — разглагольствования Хайдеггера о «безобидной»-де «брутальности» национал-социализма, вместе с признанием «причиненного опустошения» как чего-то *попутного* (какое же, однако, словоблудие!) — можно дополнить и другими позорными «формулами» из «Черных тетрадей». И их немало.

Да, у Хайдеггера была возможность использовать в своих целях определенные особенности столкновения социально-политических позиций в мире накануне времен Второй мировой войны и по ее окончании, и в его трактовке есть доля справедливости. Однако в большей степени это изворотливость человека «согрешившего», но не пожелавшего раскаяться. После войны, полагает Хайдеггер, судят только национал-социализм, тогда как в довоенных, военных и послевоенных событиях виновен не только он: «Знают только то или иное злодеяние национал-социализма. Но такое “или — или”, собственно, является ошибкой. Другое (понимание. — *Н.М.*) еще должно быть привнесено. Но пока оно остается сокрытым» [Ibid., 98]. Более того, утверждает Хайдеггер: «...самое трудное и спорное в нашей судьбе (Geschick) состоит в том, найдем ли и сохраним ли мы наше Собственное (das Eigene)... среди других народов — и допустят ли они, чтобы мы проникли в это наше Собственное?» Не заключается ли «коварный замысел» победителей в том, чтобы лишь подвести «нас», немцев, к решению наших задач, а на деле вовлечь — как уже безвластных — в «Weltmachenschaft», т.е. в махинации мировой власти? См.: [Ibid., 98–99].

Хотя Хайдеггер небезосновательно обращает внимание на проблему послевоенного устройства Германии и Европы, нельзя не видеть, что его главная цель — не разобраться в этих, в самом деле трудных и противоречивых послевоенных реалиях, а внушить немцам, чтобы они не смирялись с истолкованием статуса Германии как «страны-изгоя» (Ableger): «Подлинное поражение (немцев и Германии. — *Н.М.*) состоит не в том, что был низвергнут “сам рейх” (“das Reich”), что были разрушены города, что люди были приведены к гибели с помощью невидимых машин убийства, а в том, что немцы с помощью других позволили способствовать самоуничтожению своей сущности под убедительным предлогом уничтожения нацизма» [Ibid., 156]. У Хайдеггера получается, что «смерч», уничтоживший города и веси, принесший гибель миллионам людей³, — нечто маловажное по сравнению с упущенной немцами возможностью раскрыть-де свою таинственную сущность! Вряд ли с таким витиеватым и в конечном счете человеконенавистническим суждением согласились бы те народы, которым война принесла столько страданий, лишений. Подобные «аргументы» Хайдеггера — несомненный позор уже и для человека нормального и совестливого, тем более немыслимые для ответственного мыслителя.

Возвращусь теперь к вопросу об «общественности». Под «Öffentlichkeit» Хайдеггер понимает много разных явлений. Обвинения в адрес «общественности» касаются, например, газет и журналов, в первую очередь антифашистской направленности. Вместе с тем чаще всего они направлены против коллег, чей авторитет и популярность выросли благодаря их четкой антифашистской позиции. Хайдеггер не забыл помянуть недобрыми словами и бывших друзей, скажем, Ясперса, и даже новых и неожиданных своих приверженцев, например, Сартра. Поскольку Сартр утверждал: «Экзистенциализм — это гуманизм», Хайдеггер поспешил отторгнуть и осудить экзистенциализм — философское течение, зародившееся еще в пламени войны. Напомню: ни Сартр, ни его единомышленники, участвовавшие в Соппротивлении, еще не знали точно о *двух лицах* философа Хайдеггера. Они опирались на довоенные идеи последнего и были плохо осведомлены о его жизни и поведении во времена господства нацизма. Вот почему к концу войны отношение французских последователей к немецким создателям

Existenzphilosophie осложнилось. Так или иначе, Хайдеггер первым стал бранить тех его отечественных и иностранных коллег, которые были в принципе готовы к содержательному сотрудничеству с ним.

Хайдеггер против «экзистенциализма» Ясперса

В «Черных тетрадах» не так много гневных тирад, обращенных против Ясперса — довоенного друга и союзника (особенно в том, что касалось понимания проблем университета), но они очень характерны и важны для понимания самой сути умонастроения Хайдеггера. И редко когда, вообще-то гневливый и этически неопрятный, Хайдеггер опускался до такой злобы, какая запечатлена в *Anmerkungen* по отношению к экзистенциализму и прежде идеями близкому ему мыслителю.

В моей книге «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие — время — любовь» [Мотрошилова 2013] я обращалась, например, к теме довоенной дружбы, солидарности, сотрудничества Хайдеггера с Карлом Ясперсом, его выдающимся старшим современником, и более позднего, послевоенного, очень сложного если и не возрождения этих отношений, то некоторой их нормализации. В частности, было конкретно рассказано, как после войны повел себя всегда благородный Ясперс по отношению к Хайдеггеру, этому добровольному, хотя и временному попутчику гитлеровской власти [Мотрошилова 2013, 493–504]. Он считал сотрудничество Хайдеггера с нацистами, как и его почти не скрываемый антисемитизм, явлениями, в принципе совершенно непростительными: в специальном обращении к комиссии, вскоре после войны собранной французскими оккупационными властями (и, кстати, написанном по переданной ему предварительно просьбе самого Хайдеггера), Ясперс указал, что сделанное Хайдеггером в годы нацизма никак нельзя забыть, тем более простить. Но следует надеяться, подводит итог Ясперс, что Хайдеггеру, обладающему «особым философским органом» (особым философским талантом), будет предоставлена возможность писать труды по философии и, пусть не сразу, преподавать ее, в чем он является, по общему мнению, несомненным мастером. Так, в сущности, и поступили: Хайдеггер был на некоторое время отстранен от преподавания, однако достаточно скоро (к началу 50-х гг.) незлобивая философская «общественность», которую он так проклинал, способствовала его возвращению к свету исторической рампы.

А как эти и подобные факты выражены в «Черных тетрадах»? Здесь, прежде всего, много проклятий в адрес Ясперса, основанных либо на неосведомленности Хайдеггера, либо на его явном нежелании докопаться до правды и стремлении под любым предлогом Ясперса опорочить. Удар наносится по хорошо известному и вообще-то несомненному благородству этого человека. В «Черных тетрадах» события и довоенного, и военного, и послевоенного времени, в которых участвовал Ясперс, злобно искажены. Согласно Хайдеггеру, это как раз Карл Ясперс совершил «предательство (*Verrat*)» [Ibid., 61] — и «по отношению к мышлению как таковому», и по отношению к их общей довоенной трактовке проблем университета! Уже упомянутое обращение к комиссии по денацификации, написанное Ясперсом, он с уверенностью объявляет «тайным доносом», хотя тут же признается, что подлинник документа ему неизвестен, — прием, увы, типичный для Хайдеггера.

На фоне подобных обвинений-осуждений — принижения коллег и клеветы на них — особо смотрятся хайдеггеровские самовосхваления. Этих «писаний» о «себе любимом» в «Черных тетрадах» тоже немало. Остановимся на них.

Хайдеггер о самом себе

На одном из листочков, вложенных в «Черные тетради», Хайдеггер записал (в общем контексте самовосхваления) следующее: «Heid-egger — это некто, кто, находясь на неустроенной земле, в окружении пустоши, боронит ее. А чтобы боронить, нужно сначала сделать так, чтобы плуг долго обтачивался на точильном камне» [Ibid., 62]. Смысл подобных иносказаний вполне понятен: на того, кто носит фамилию «Heidegger», возложена миссия первопроходца; он долго готовился к ней и потому полностью годен к ее исполнению.

К этому рассуждению близки другие, хотя уже без иносказаний, реминисценции Хайдеггера об этом *своем призвании*: «Никакая сила мира и никакой бог (sic! — *Н.М.*) не оторвет мое мышление от единства с самим (подлинным. — *Н.М.*) Бытием (*Seyn*). Никогда мышление в своей сущности не допустит, чтобы оно было оболгано» [Ibid., 63]. Хайдеггеру, не страдавшему заниженной самооценкой, для того, в частности, и пригодился проходящий через «Черные тетради» акцент на *Seyn*, чтобы объявить себя любимого вообще-то единственным глашатаем этого глубоко сокрытого, но подлинного Бытия!

Когда неизбежно всплыл отнюдь не частный, а коренной вопрос о вине Хайдеггера за прегрешения предвоенных и военных лет, то он, Хайдеггер, и именно в «Черных тетрадах», как бы имея в виду грядущие поколения, постарался загодя повлиять на его решение. Часть *Anmerkungen* в «Черных тетрадах» написана именно с этой целью. Отсюда обилие таких формул, в которых Хайдеггер отождествляет именно *свое* мышление — играющее столь важную роль в осуществлении призвания немцев как «мысляще-поэтизирующего народа, как сердца народов» — с сущностью *философского мышления как такового*. Эти формулы, несомненно, должны были заглушить страхи и предчувствия Хайдеггера: не откажут ли ему немцы в статусе выдающегося философа? Он видит всю реальность подобных опасений: «Принесение в жертву простых жизненных корней мышления повсюду, к тому же безотчетно, будет способствовать этому» [Ibid., 63].

Все, казалось бы, отвлеченные хайдеггеровские размышления о «*das Seyn*» отнюдь не случайным образом располагаются в «Черных тетрадах» и соотносятся с весьма конкретным, совсем не потаенным стремлением Хайдеггера повлиять на собственную судьбу. Хотя я наметила обсуждать тему «*das Seyn*» — в ее сложнейшем и совсем не праздном философско-метафизическом смысле — в статье второй, сошлюсь уже здесь на одно характерное высказывание: «И все-таки *das Seyn*? Как можно мыслить его [в условиях], когда повсюду снова и снова проявляется [власть] “историзмов” (“*Historismen*”) гуманизма и “экзистенциальной философии”, [стремления] поспешно использовать [их] также и для теологии... Стремятся бездумно опираться на них, и каждый боится запоздать в этом стремлении сотворить что-то подобное уже сегодня» [Ibid., 100]. Именно так Хайдеггер реагирует на рост популярности экзистенциализма в военное и послевоенное время. Это следует учитывать тем из нас, кто (исходя, в частности, из потребности в обобщении и систематизации) без оговорок причисляет философию Хайдеггера к экзистенциалистскому направлению. И теперь, когда опубликованы «Черные тетради», нам уже невозможно упустить из виду вопрос о реальном идейном противоборстве внутри него.

Для нашей темы существенна еще одна линия хайдеггеровских «Замечаний»: четко выраженная в них не просто вера, но *уверенность* в будущем немецкого народа, в возрождении его культуры, что в ту пору было отнюдь не очевидным. В *Anmerkungen I*, т.е. ближе к началу записей, Хайдеггер пишет: «Время немцев не миновало. Но гештальт их будущей истории пребывает в сокрытости» [Ibid., 16]. В самом деле, *уверенно* говорить о новом расцвете Германии — о «времени немцев» — в тот период, когда побежденная страна лежала в руинах, было очень смелым прогнозом. И Хайдеггер мало чем мог тогда подтвердить обоснованность своих прозрений. Поэтому он и ограничился страстными *уверениями* в том, что Германия еще сыграет свою роль — и притом не второстепенную, а ведущую — в судьбе Европы и всего мира. И как бы парадоксально и даже маловероятно ни звучали в тот момент подобные уверения, но смелые предположения Хайдеггера к нашему времени подтвердились: Германия не только выбралась из исторической «ямы», но и смогла стать одним из самых развитых государств мира, играя ведущую роль в Европейском Союзе. Сейчас не время и не место подробно разбираться во внутренних и внешних факторах, приведших к такому результату именно немецкий народ, по счастью после войны, как правило, руководимый яркими, ответственными лидерами.

Возвращаясь к тексту «Черных тетрадей», справедливости ради следует заметить, что Хайдеггера беспокоят скорее не внешнеполитические успехи страны. Когда консолидировалась — под руководством Гитлера — фашистская коалиция, то превозноси-

лись именно внешнеполитические успехи, причем как достижения не только европейского, но и (в силу участия Японии) европейско-азиатского масштаба. Хайдеггера же в «Черных тетрадах» вдохновляли совсем иные «исторические подвижки». Его заботы идеальные, мыслительные. Тем более что речь действительно шла о будущем, которое в момент написания данного блока «Черных тетрадей» представлялось скорее тревожным и неясным.

Нельзя не признать: почти что вычеркнутый из тогдашнего настоящего Хайдеггер дерзко позволял себе ставить вопрос всех вопросов: что делать дальше? И сам сразу же отвечал на него новым вопросом: «А куда простирается это “дальше”?» [Ibid., 56]. В ответе на него нас опять ожидает характерная кружевная вязь из слов и намеков. Быть может, и не стоит терять время на ее распутывание? Понимая, как могут уставать от хайдеггеровского творчества сциентистски настроенные читатели, полагаю, что задуматься над смыслом рассуждений Хайдеггера все же совсем нелишне, причем в особенности в деле мышления, ориентированного на социальную практику, на ее цивилизационно-ценностные аспекты. Опираясь на «Черные тетради», задумаемся над тем, в чем в то напряженное время хотя бы отчасти был прав Хайдеггер.

Во-первых, после вселенского грохота Второй мировой войны, стоившей человечеству неисчислимых жертв и бед, Хайдеггер — полагаю, вполне резонно — советует людям взять паузу и просто некоторое время помолчать.

Во-вторых, определенно следует, по Хайдеггеру, с известной долей скепсиса, сомнениями, с требованием тщательной проверки отнестись к программам и декларациям новых «духовных вождей» человечества, якобы знающих, каким маршрутом надо идти в гарантированно светлое будущее.

В-третьих, Хайдеггер требует от новоявленных «пастырей» человечества ответственно отнестись к «расшифровке» *Da-seyn* и, в частности, оценить, где именно в то или иное время *реально бытийствует* человечество и соответствует ли это совокупное здесь-бытийное положение смыслу *Da-seyn*, т.е. подлинного человеческого бытия как непреходящей цели. Эти мысли, как, впрочем, и всегда у Хайдеггера, выражаются с помощью причудливой словесной вязи, состоящей из, казалось бы, привычных, повседневных слов. Но одновременно появляются метафизические понятия, трудные для расшифровки. Приведу примеры.

Что такое *Da*, о котором Хайдеггер предлагает поразмыслить, т.е. задержаться мыслью, не торопясь, *медленно* продвигаясь вперед? Такое размышление о *Da* предполагает и неизбежность пребывания в нем, а в силу соединения его с *Seyn*, может и должно означать не привычное, слепое бытийствование, но охваченность этим *Da* и умение его постичь. И здесь Хайдеггер считает необходимым снова пустить ядовитую стрелу в сторону идей Ясперса: только неподлинная философия, по Хайдеггеру, может объединиться с христианством, а потому ясперсовские идеи суть «запутывающее заблуждение (*Verwägung*)», «видимость “мыслей” (*Anschein von “Gedanken”*)». Дальше Хайдеггер и вовсе захлебывается ненавистью: «Этот выкидыш безмыслия презентует себя современности, например, в том, чем Ясперс занимается под видом “философии”, [как бы] в соответствии со временем еще и завернутой в морализм...»⁴ [Heidegger 2015, 91].

Ряд «откровений» касается и Эдмунда Гуссерля, учителя Хайдеггера по Фрайбургскому университету, человека, который, вспомним, во всем старался оказать помощь своему ученику в то время, когда тот — тогда еще безвестный — в ней очень нуждался. Вот как обсуждает Хайдеггер гуссерлевский принцип «*Zu den Sachen selbst!*» («К самим вещам!»): он не находит ни единого слова, чтобы раскрыть в этом призыве нечто существенное. Напротив, он высказывает одни сомнения — отчасти несправедливые. Но у него мы теперь находим не разъяснения, не плодотворную полемику, а простое перечеркивание философского смысла этой специфической рекомендации Гуссерля. Вместе с тем Хайдеггер хочет «указать» Гуссерлю (и это в то время, когда стало известно, как тот пострадал от нацизма) его «место» в философии Германии. Видимо, он все же догадывался, какую важную роль наследие основателя феноменологии сыграет в послевоенной Европе и во всем мире. «Ученик» еще готов признать особое значение

«Логических исследований», но с существенными оговорками насчет *всего* гуссерлевского творчества. Судите сами: «В свое время, между 1890 и 1900 годами, Гуссерль — благодаря своим “Логическим исследованиям” — будучи учителем, хотел создать также и фундамент для исследований, все еще двигаясь тем самым в традиционном поле учения о сознании. В том, что он там, *несмотря на все пустое и случайное аргументирование* и исторические утверждения, просто отважился сделать шаг в прозрение (Sehen), остается его историческое место. И этого не хотят видеть его приспешники и пропагандисты. Ложное восхищение в его поздней философии делает его смешным и объясняет его волю к халтуре. Всякий обучавшийся да помалкивает об учителе (курсив мой. — *Н.М.*)» [Ibid., 443]. Ничего себе «помалкивает» Хайдеггер о своем учителе! Оставляю этот отрывок без комментариев. Но характерен контекст, в который он помещен. Хайдеггер ниспровергает здесь не только учение Гуссерля, но и работы Сартра об экзистенциализме как гуманизме. Иными словами, Хайдеггер явно задумал, — что следует, скажем, из *Anmerkungen V*, — опорочить любую фигуру из философской сферы, а особенно тех философов, которых можно было бы привести в качестве примера глубокого, так сказать, на века значимого мышления о самом мышлении. Это, кроме того, образец крайнего — как бы провозглашенного от имени «подлинной философии» — снобизма и фактического изоляционизма философии, граничащего, по моему мнению, со злобным высокомерием, недостойным настоящего философа. Не дай-то Бог, чтобы философы когда бы то ни было заболели презрением к окружающему миру жизни и культуры, какой не просто болел, но и гордился Хайдеггер. Она выражена в его собственных словах:

Мышление — не для общественности,
не для образованных ее рабов,
не для личности человека,
не для культуры,
не для наук,
не для философии,
не для мыслящих [Ibid., 451].

А для кого же? Вопрос Хайдеггер оставляет открытым...

* * *

В заключение этой статьи считаю необходимым поделиться с читателями некоторыми из интересных уточнений, которые высказаны в Послесловии Петера Травны, публикатора «Черных тетрадей».

Прежде всего, он справедливо напоминает читателям 97-го тома: «Черные тетради» написаны в такой форме, которая «...в своем роде является очень редкой не только для Хайдеггера, но и вообще для философии XX века» [Травну 2015, 519]. Я опушу полезные разъяснения Травны, о которых уже шла речь в моих прежних статьях о «Черных тетрадях». Обращусь лишь к новым пояснениям, в частности, о содержании будущего 98-го тома *Gesamtausgabe*.

Готовящиеся к опубликованию в нем *Anmerkungen IX* относятся к 1950 г., т.е. всего на год отстают от материала 97-го тома. Травны уместно упоминает о некоторых событиях, произошедших в 1942 г. в семье Хайдеггеров: в частности, летом того года пришла солдатская открытка от старшего сына Йорга, оказавшегося в советском плену⁵.

Травны справедливо характеризует хайдеггеровские оценки как имеющие «отчетливо полемический характер». Дополню собственные наблюдения таким, отмеченным у Травны, фактом: «Журнал Карла Ясперса и Дольфа Штернбергера *Die Wandlung* назван неряшливым и неисторическим». Хайдеггер говорит о «чистейшей болтовне господина Штернбергера», который, кстати, в 1931 г. защитил диссертацию о Хайдеггере [Ibid., 523]. Уместно напоминание Травны о том, что «мировым позором», который падает на «немецкий народ», будет, по мнению Хайдеггера, не опубликование, обнародование данных об уничтожении европейских евреев, а то, что в ходе борьбы с

нацизмом не был раскрыт «глубоко сокрытый мир немецкой судьбы». И именно это, а отнюдь не Холокост является, по Хайдеггеру, преступлением «мира», под которым он понимал «журналистскую организацию общественности плебса» [Ibid.].

Травны вполне четко указывает на то, с чем и с кем именно Хайдеггер связывает «принцип разрушения»: «При этом Хайдеггер упоминает “Маркса”, который, — по его словам, — осуществил “перевертывание завершения (der Umdrehung der Vollendung) метафизики” у Гегеля, состоящее в том, что “дух” и “культура” превращены в “надстройку над ‘жизнью’”, т.е. над хозяйствованием, — т.е. над организацией — т.е. над биологическим — т.е. над “народом”» [Ibid., 523–524]. И поскольку (расписывается Хайдеггер в своем даже в философию внесенном антисемитизме) «...это, “по существу ‘еврейское’ в метафизическом смысле” борется против “еврейского”, то тем самым достигается “высший пункт самоуничтожения в истории”» [Ibid., 524] (Травны цитирует еще не опубликованные разделы «Черных тетрадей»). Почему Хайдеггер утверждает о «самоуничтожении» некоего еврейского начала, корня? Ведь он предварительно утверждает: «Современная система тотальной диктатуры возникает из еврейско-христианского монотеизма» [Ibid., 438]. Вот вам и великий философ: оказывается, евреи сами на свою голову и породили Холокост!

Травны замечает, что эти сомнительные выводы появляются у Хайдеггера не случайно: они вытекают из идей, известных нам по прежде опубликованным записям «Черных тетрадей»: «Мысль последовательна, — пишет Травны. — Если “еврейское” (das Jüdische) не может быть не чем иным, как “Machenschaft”, ставшим тотальным, то его “самоуничтожение” ведет к его преодолению» [Ibid., 524]. А вот в «Примечании для ослов» (!) Хайдеггер пытается вывернуться, говоря, что такое его замечание не имеет-де ничего общего с «антисемитизмом», который он называет глупым (töricht) и опровержимым (verwerflich) [Ibid.]. В этом, прямо скажем, хитросплетении уловок не просто разобраться. Лучше всего здесь обратиться к специалистам, которым известны все оттенки сложного отношения Хайдеггера (не забудем, в начале пути выученика католиков) к христианству. Да и в связи с ограниченным объемом статьи приходится оставить эту тему в стороне.

Заговорив о Хайдеггере как «двуликом Янусе» философии, я дала понять, что не могу ограничить свой анализ одной только мрачной ипостасью этого мыслителя. Несмотря на все сказанное, Хайдеггер остается для меня тонким и глубоким философом, причем настолько пронизательным, что ему нет равных. Вот об этом «втором лице» Хайдеггера и пойдет речь в следующей статье, посвященной 97-му тому его «Собрания сочинений».

Примечания

¹ Мой собственный подход к этим темам подробно обоснован в опубликованной в 1989 г. биографии Хайдеггера, потом воспроизведенной в книге «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие — время — любовь» [Мотрошилова 2013, 461–520]. Одна из последних публикаций, отражающих позицию Хайдеггера и Ясперса в вопросе об университетском образовании, — статья Владимира и Дагмар Мироновых «Философ и власть: Случай Хайдеггера» [Миронов, Миронова 2016].

² Конечно же, это не только немецкое явление. Например, в разгар сталинизма в нашей стране подобные тексты писались о Сталине — вожде «всех времен и народов» и «величайшем философе». Но все это провозглашали верноподданные сталинисты-идеологи. Насколько мне известно, ни один из серьезных, впоследствии признанных философов России в чем-то подобном замечен не был.

³ Могу уверенно судить об этом, исходя из собственного опыта: на войне погиб мой молодой отец, из-за войны рано ушла из жизни моя мать; та же участь постигла многих родных и близких... Когда я пошла в школу, то больше половины моих соучениц были детьми погибших на войне.

⁴ А потому он убежден, что ясперсовская философия в целом — это всего лишь запутывание (Verwigung) тех проблем, которые в ней обсуждаются.

⁵ Познакомившись с Йоргом Хайдеггером, я прониклась уважением к этому честному, обаятельному человеку, которого благодарю за возможность погостить в его семейном доме, посетить вместе с ним городок Месскирх, родину М. Хайдеггера, и побывать в знаменитой хижине в Тодтнауберге [Мотрошилова 2013, 125–132]. Возвратившись из плена, Йорг Хайдеггер стал инженером. Он не участвует в издании работ отца и, в частности, «Черных тетрадей»; это дело сначала находилось в руках его младшего брата Германа Хайдеггера, а затем его потомков (см. [Trawny 2015, 527]).

Источники – Primary Sources

Heidegger, Martin (2015) *Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948), Gesamtausgabe, Bd. 97*, Trawny, Peter (Hrsg.), Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Ссылки – References in Russian

Миронов, Миронова 2016 – *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Философ и власть: Случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 21–38.

Мотрошилова 2013 – *Мотрошилова Н.В.* Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие – время – любовь. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2013.

Мотрошилова 2015 – *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» Мартина Хайдеггера: По следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131–162.

Мотрошилова 2016 – *Мотрошилова Н.В.* И снова о «Черных тетрадях» Мартина Хайдеггера (к дебатам лета – осени 2015 г.) // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 39–55.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 11. P. 165–175

M. Heidegger – “The Two-faced Janus” of Philosophy: “Black Notebooks” 1942–1948 (The First Article)

Nelly V. Motroshilova

The main purpose of this article (which is the first one from two publications, devoted to the 97 volume of Heidegger’s Complete Works) is the demonstration of the duality of Heideggerian philosophy of this contradictory historical period (1942–1948). It means the demonstration of the fact that Heidegger is the «double-faced Janus of philosophy». The first face, the uncovering of which is the subject of this article, is his anger, the hateful attitude towards the «Publicity» («Öffentlichkeit»), to the scientific and philosophical community – including the previous friends (Karl Jaspers) and the new allies (J.-P. Sartre). However, Heidegger’s main guilt was his vehemence to consider the bloody crimes of the Nazi regime (including the KZ and the millions of war sacrifices) as pardonable. But to take into account only this line of the text of the 97 volume means not to understand, how and why M. Heidegger after the war became one of the most important philosophers of the XX century. The philosophical face Heidegger’s – the subject of the second planned author’s article about the 97 volume of Heidegger’s Works.

KEY WORDS: M. Heidegger, K. Jaspers, E. Husserl, J.-P. Sartre, publicity, national socialism, antisemitism, existentialism.

MOTROSHILOVA Nelly V. – DSc in Philosophy, Professor, Senior Research Scientist of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

motroshilova@yandex.ru

Received at February 27, 2018.

Citation: Motroshilova, Nelly V. (2018) ‘M. Heidegger – “The Two-faced Janus” of Philosophy: “Black Notebooks” 1942–1948 (The First Article)’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 165–175.

DOI: 10.31857/S004287440001902-7

References

Fuchs, Christian (2015) “Anti-Semitism, Anti-Marxism and Technophobia: The Fourth Volume of Martin Heidegger’s Black Notebooks (1942–1948)”, *TripleC*, Vol. 13 (1), pp. 93–100.

Mironov, Vladimir V., Mironova, Dagmar V.H. (2016), “Philosopher and Power: the Case of Heidegger”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2016), pp. 21–38 (in Russian).

Motroshilova Nelly V. (2013) *Martin Heidegger and Hanna Arendt: Being – Time – Love*, Academicheskii Proekt, Gaudeamus, Moscow (in Russian).

Motroshilova Nelly V. (2015) “Martin Heidegger’s ‘Black Notebooks’: In the Footsteps of Publication”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2015), pp. 131–162 (in Russian).

Motroshilova Nelly V. (2016) “Once Again on Martin Heidegger’s ‘Black Notebooks’ (On the Debates of Summer and Autumn 2015)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2016), pp. 39–55 (in Russian).

Trawny, Peter (2015) “Nachwort des Herausgebers”, *Martin Heidegger, Gesamtausgabe, Bd. 97*, Trawny, Peter (Hrsg.), Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main. pp. 519–527.